

Д. С. Мережковский

Христос и Антихрист

Трилогия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М52

М52 **Мережковский Д.С.**
Христос и Антихрист: Трилогия / Д. С. Мережковский – М.: Книга по Требо-
ванию, 2021. – 464 с.

ISBN 978-5-517-99259-8

Воскресшие Боги Леонардо Да-Винчи. Том 1

ISBN 978-5-517-99259-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕРВАЯ КНИГА

БѢЛАЯ ДЬЯВОЛИЦА

I

Во Флоренціи, рядомъ съ каноникой Оръ-Санъ-Микэле, находились товарные склады цеха красильщиковъ.

Неуклюжія пристройки, клѣтки, неровные выступы на косыхъ деревянныхъ подпорахъ лѣпились къ домамъ, сходясь вверху черепичными кровлями такъ близко, что отъ неба оставалась лишь узкая щель, и на улицѣ, даже днемъ, было темно. У входа въ лавки висѣли на перекладинахъ образчики тканей заграничной шерсти, крашеной во Флоренціи. Въ канавѣ посерединѣ улицы, мощеной плоскими камнями, струились разноцвѣтныя жидкости, выливаемые изъ красильныхъ чановъ. Надъ дверями главныхъ складовъ — фондаковъ, виднѣлись щиты съ гербомъ Калималы, цеха красильщиковъ: въ аломъ полѣ золотой орелъ на кругломъ тюкѣ бѣлой шерсти.

Въ одномъ изъ фондаковъ сидѣлъ, окруженный торговыми записями и толстыми счетными книгами, богатый флорентинскій купецъ, консулъ благороднаго искусства Калималы — мессэръ Чиприано Буонаккорзи.

Въ холодномъ свѣтѣ мартовскаго дня, въ дыханіи сырости, вѣявшей изъ подваловъ, загроможденныхъ товарами, старикъ зябъ и кутался въ облѣзлую бѣличью шубу съ истертыми локтями. Гусиное перо торчало у него за ухомъ, и слабыми, близорукими, но всевидящими глазами онъ просматривалъ, какъ будто небрежно, на самомъ дѣлѣ внимательно, пергаментные листы громадной счетной книги, страницы, раздѣленные продольными и поперечными графами: справа «дать», слѣва — «имѣть». Записи товаровъ сдѣланы были ровнымъ, круглымъ почеркомъ, безъ прописныхъ буквъ, безъ точекъ и запятыхъ, съ цифрами римскими, отнюдь не арабскими, считавшимися легкомысленнымъ новшествомъ, непристойнымъ для дѣловыхъ книгъ. На первой страницѣ было написано большими буквами:

«Во имя Господа нашего Исуса Христа и Приснодѣвы Маріи счетная книга сія начинается лѣта отъ Рождества Христова тысяча четырехста девяносто четвертаго».

Окончивъ просмотръ послѣднихъ записей и тщательно исправивъ ошибку въ числѣ принятыхъ подъ залогъ шерстяного товара лаштовъ продолговатаго стручковаго перцу, меккскаго имбирю и вязокъ корицы, мессэръ Чипріано съ усталымъ видомъ откинулся на спинку стула, закрылъ глаза и началъ обдумывать дѣловое письмо, которое предстояло ему послать главному приказчику на суконную ярмарку во Франціи, въ Монпелье.

Кто-то вошелъ въ лавку. Старикъ открылъ глаза и увидѣлъ своего мызника, поселянину Грплло, который снималъ у него пахотную землю и

виноградники на подгорной виллѣ Санъ-Джервазіо, въ долинѣ Муньоне.

Грилло кланялся, держа въ рукахъ корзину съ яйцами, старательно переложенными соломой. У пояса его болтались два живыхъ молоденькихъ пѣтушка на связанныхъ лапкахъ, хохолками внизъ.

— А, Грилло! — молвилъ Буонаккорзи со свойственной ему любезностью, одинаковою въ обращеніи съ малыми и великими. — Какъ Господь милуетъ? Кажется, нынче весна дружная?

— Намъ, старикамъ, мессэре Чиприано, и весна не въ радость: кости ноютъ — въ могилу просятся.

— Вотъ къ свѣтлому празднику, — прибавилъ онъ помолчавъ, — яичекъ да пѣтушковъ — вашей милости.

Грилло съ хитрою ласковостью щурилъ свои зеленоватые глазки, собирая вокругъ нихъ мелкія загорѣлыя морщины, какія бываютъ у людей, привыкшихъ къ солнцу и вѣтру.

Буонаккорзи, поблагодаривъ старика, началъ спрашивать о дѣлахъ.

— Ну что, готовы ли работники на мызѣ? Успѣемъ ли кончить до свѣту?

Грилло тяжело вздохнулъ и задумался, опираясь на палку, которую держалъ въ рукахъ.

— Все готово, и работниковъ довольно. Только вотъ что я вамъ доложу, мессэре: не лучше ли подождать?

— Ты же самъ, старикъ, намедни говорилъ, что ждать нельзя, — можетъ кто-нибудь раньше догадаться.

— Такъ-то оно такъ, а все-таки страшно.

Грѣхъ! Дни нынче святыя, постныя, а дѣло наше неладное...

— Ну, грѣхъ я на свою душу беру. Не бойся, я тебя не выдамъ. — Только найдемъ ли что-нибудь?

— Какъ не найти! На то примѣты есть. Отцы и дѣды знали о холмѣ за мельницей у Мокрой Лощины. По ночамъ на Санъ-Джіованни огоньки бѣгаютъ. И то сказать: у насъ этой дряни всюду много. Вотъ, говорятъ, недавно, какъ рыли колодець въ виноградникѣ у Мариньолы, цѣлаго чорта вытащили изъ глины...

— Что ты говоришь? Какого чорта?

— Мѣднаго, съ рогами. Ноги шершавыя, козлиныя, — на концахъ копыта. А рыльце веселое, — точно смѣется; на одной ногѣ пляшетъ, пальцами прищелкиваетъ. Отъ старости весь позеленѣлъ, замшился.

— Что же съ нимъ сдѣлали?

— Колоколь отлили для новой часовни Архангела Михаила.

Мессэръ Чиприано едва не разсердился:

— Зачѣмъ же ты объ этомъ раньше не сказалъ мнѣ, Грилло?

— Вы въ Сіену по дѣламъ уѣзжали.

— Ну, написалъ бы. Я бы прислалъ кого-нибудь. Самъ пріѣхалъ бы, никакихъ денегъ не пожалѣлъ бы, десять колоколовъ отлилъ бы имъ. Дураки! Колоколь — изъ пляшущаго Фавна, — быть можетъ, древняго эллинскаго ваятеля Скопаса...

— Да, ужъ подлинно, дураки. Только не извольте гнѣваться, мессэръ Чиприано. Они и такъ наказаны: съ тѣхъ поръ, какъ новый колоколь

повѣсили, два года червь въ садахъ яблоки и вишни ѣсть, да на оливы неурожай. И голосъ у колокола нехорошій.

— Почему же нехорошій?

— Какъ вамъ сказать? Настоящаго звука нѣтъ. Сердца не радуется. Такъ что-то болтаетъ безъ толку. Дѣло извѣстное: какой же изъ чорта колоколь! Не во гнѣвъ будь сказано вашей милости, мессэре, священникъ-то, пожалуй, правъ: изъ всей этой нечисти, что выкапываютъ, ничего не выходитъ добраго. Тутъ надо вести дѣло съ осторожностью, съ оглядкою. Крестомъ и молитвою ограждать, ибо силенъ дьяволъ и хитеръ, собачій сынъ, — въ одно ухо влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ! — Вотъ хотя бы съ этой мраморной рукой, что въ прошломъ году Закелло у Мельничнаго Холма вырылъ, — попуталъ насъ нечистый, нажили мы съ нею бѣды, не дай Богъ, — и вспомнить страшно...

— Расскажи-ка, Грилло, какъ ты нашель ее?

— Дѣло было осенью, наканунѣ св. Мартина. Съели мы ужинать, и только что хозяйка поставила на столъ тюрю изъ хлѣба, — вбѣгаетъ въ горницу работникъ, кумовъ племянникъ, Закелло. А надо вамъ сказать, что я въ тотъ вечеръ въ полѣ его оставилъ, у Мельничнаго Холма, оливковую корчагу выворачивать, — коноплею то мѣсто хотѣлъ засѣять. «Хозяинъ, а, хозяинъ!» — допочеть Закелло, и лица на немъ нѣтъ: весь трясется, зубъ на зубъ не попадаетъ. «Господь съ тобой, малый!» — «Недоброе, говоритъ, въ полѣ творится: покойникъ изъ-подъ корчаги вылѣзаетъ. Если не вѣрите, пойдите, сами посмотрите». Взяли мы фонари и пошли.

— Стеннѣло. Мѣсяцъ всталъ изъ-за роуци. Видимъ — корчага; рядомъ земля разрыта, и что-то въ ней бѣлѣеть. Наклонился, смотрю — рука изъ земли торчитъ, бѣлая, и пальцы красивые, тонкіе, какъ у дѣвушекъ городскихъ. «Ахъ, пострѣль тебя возьми — думаю — это что за чертовщина?» Опустилъ фонарь въ яму, чтобы лучше разсмотрѣть, а рука-то зашевелилась, пальчиками манить. Тутъ ужъ я не стерпѣлъ, закричалъ, ноги подконулись. А мона Бонда, бабушка, — она у насъ знахарка и повитуха, бодрая, хоть и древняя старушка: «чего вы всѣ испугались, дураки, говорить, развѣ не видите — рука не живая и не мертвая, а каменная». Ухватилась, дернула и вытащила изъ земли, какъ рѣпу. Повыше кисти въ суставѣ рука была сломана. «Бабушка, кричу, ой, бабушка, оставь, не тронь, зароемъ поскорѣе въ землю, а то какъ бы бѣды не нажить». — «Нѣтъ, говорить, такъ не ладно, а надо сначала въ церковь священнику отнести, пусть онъ заклятіе прочтетъ». Обманула меня старуха: священнику руки не отнесла, а въ свой ларь въ углу спрятала, гдѣ у нея всякая рухлядь — тряпочки, мази, травы и ладонки. Я бранился, чтобы руку отдала, но мона Бонда заупрямилась. И стала съ тѣхъ поръ бабушка чудесныя творить исцѣленія. Заболѣть ли у кого зубы — идольской рукой прикоснется къ щекѣ, и опухоль опадетъ. Отъ лихорадки, отъ живота, отъ падучей помогала. Ежели корова мучится, не можетъ отелиться, бабушка ей на брюхо каменную руку положить, корова замычитъ, и смотришь — теленочекъ уже въ соломѣ копошится.

— Молва по окрестнымъ селеніямъ пошла.

Много денегъ въ то время набрала старуха. Только проку не вышло. Священникъ, отецъ Фаустино, не давалъ мнѣ спуска: въ церковь пойду — онъ меня на проповѣди при всѣхъ укоряетъ. Сыномъ погибели называлъ, слугою дьявола, епископу грозилъ пожаловаться, Св. Причастія лишить. Мальчишки за мною по улицѣ бѣгали, пальцами указывали: «вонъ идетъ Грилло, самъ Грилло колдунъ, а бабушка у него вѣдьма, оба душу чорту продали». Вѣрите ли, даже по ночамъ не было покоя: все мраморная рука снится, будто бы подбирается, тихонько за шею беретъ, точно ласкается, пальцы холодные, длинные, а потомъ, какъ вдругъ схватить, стиснетъ горло, начнетъ душиить, — хочу крикнуть и не могу.

— Э, думаю, шутки то плохи. Всталъ я разъ до свѣту, и какъ бабушка на луга по росѣ пошла травы собирать, выломалъ замокъ у ларя, взялъ руку и вамъ отнесъ. Хотя старьевщикъ Лотто десять сольдовъ давалъ, а отъ васъ получилъ я только восемь, да для вашей милости мы не то что двухъ сольдовъ, а и живота своего не пожалѣемъ, — пошли вамъ Господь всякаго благовременія и мадоннѣ Анжеликѣ, и дѣткамъ, и внукамъ вашимъ.

— Да, судя по всему, что ты рассказываешь, Грилло, мы что-нибудь найдемъ въ Мельничномъ Холмѣ, — произнесъ мессэръ Чпприано въ раздумьи.

— Найти-то найдемъ, — продолжалъ старикъ, опять тяжело вздохнувъ, — только вотъ какъ бы отецъ Фаустино не пронюхалъ. Ежели узнаетъ — расчешетъ онъ мнѣ голову безъ гребня такъ, что не поздоровится, да и вамъ помѣшаетъ: народъ

взбунтуеть, работы кончить не дастъ. Ну, да Богъ милостивъ. Только ужъ и вы меня не оставьте, благодѣтель, замолвите словечко у судьи.

— Это насчетъ того куска земли, который у тебя мельникъ хочетъ оттягать?

— Точно такъ, мессэре. Мельникъ — жила, пройдоха. Знаеть, гдѣ у чорта хвостъ. Я, видите ли, телку судьѣ подарилъ, и онъ ему — телку, да стельную. Во время тяжбы возьми и отелись. Перехитрилъ меня, плуть. Вотъ я и боюсь, какъ бы судья не рѣшилъ въ его пользу, потому что телка-то бычкомъ отелилась на грѣхъ. Ужъ заступитесь, отецъ родной! Я вѣдь только для вашей милости съ Мельничнымъ Холмомъ стараюсь, — ни для кого такого грѣха на душу не взялъ бы...

— Будь покоенъ, Грилло. Судья — мой пріятель, и я за тебя похлопочу. А теперь ступай. На кухнѣ тебя накормятъ и виномъ угостятъ. Сегодня ночью мы вмѣстѣ ѣдемъ въ Санъ-Джервазіо.

Старикъ, низко кланаясь, поблагодарилъ и ушелъ, а мессэръ Чипріано удалился въ свою маленькую рабочую комнату, рядомъ съ лавкой, куда никто не имѣлъ позволенія входить.

Здѣсь, какъ въ музеѣ, разставлены и развѣшаны были по стѣнамъ мраморы и бронзы. Древнія монеты и медали красовались на доскахъ, обшитыхъ сукномъ. Обломки статуй, еще не разобранные, лежали въ ящикахъ. Черезъ свои многочисленные торговые конторы выписывалъ онъ древности отовсюду, гдѣ можно было ихъ найти: изъ Аѳинъ, Смирны и Галикарнасса, съ Кипра, Левкозіи и Родоса, изъ глубины Египта и Малой Азіи.

Огнянувъ сокровища свои, консулъ Калималы

снова погрузился въ строгія, важныя мысли о таможенномъ налогѣ на шерсть и, все окончательно обдумавъ, сталъ сочинять письмо довѣренному въ Монпельзѣ.

II

Въ это время, въ глубинѣ склада, гдѣ тюки товара, наваленные до потолка, и днемъ освѣщались только лампадою, мерцавшею передъ Мадонною, бесѣдовали трое молодыхъ людей: Доффо, Антоніо и Джіованни. Доффо, приказчикъ мессэра Буонаккорзи, съ рыжими волосами, курносый и добродушно-веселый, записывалъ въ книгу число локтей смѣреннаго сукна. Антоніо да-Винчи, старообразный юноша, со стеклянными рыбьими глазами, съ упрямо торчавшими космами жидкихъ черныхъ волосъ, проворно мѣрилъ ткань флорентинскою мѣрою — канною. Джіованни Бельтраффіо, ученикъ живописи, пріѣхавшій изъ Милана, юноша лѣтъ девятнадцати, робкій и застѣнчивый, съ большими, невинными и печальными, сѣрыми глазами, съ нерѣшительнымъ выраженіемъ лица, сидѣлъ на готовомъ тюкѣ, закинувъ ногу на ногу, и внимательно слушалъ.

— Вотъ до чего, братцы, дожили, — говорилъ Антоніо тихо и злобно: — языческихъ боговъ изъ земли стали выкапывать!

— Шотландской шерсти съ ворсомъ, корич-

неваго — тридцать два локтя, шесть пяденей, восемь ончій — прибавилъ онъ, обращаясь къ Доффо, и тотъ записалъ въ товарную книгу. Потомъ, свернувъ смѣренный кусокъ, Антонио бросилъ его сердито, но ловко, такъ что онъ попалъ какъ разъ туда, куда нужно, и, поднявъ указательный палецъ съ пророческимъ видомъ, подражая брату Джироламо Савонаролѣ, воскликнулъ :

— *Gladius Dei super terram cito et velociter!* Св. Іоанну на Патмосѣ было видѣніе : Ангелъ взялъ дракона, змія древняго, который есть дьяволъ, и сковалъ его на тысячу лѣтъ, и низвергъ въ бездну, и заключилъ, и положилъ надъ нимъ печать, дабы не прельщалъ народы, доколѣ не кончится тысяча лѣтъ, время и полъ-времени. Нынѣ сатана освобождается изъ темницы. Окончилась тысяча лѣтъ. Ложные боги, предтечи и слуги Антихриста, выходятъ изъ земли, изъ-подъ печати Ангела, дабы обольщать народы. Горе живущимъ на землѣ и на морѣ!..

— Желтаго, брабантской шерсти, гладкаго — семнадцать локтей, четыре пядени, девять ончій.

— Какъ же вы разумѣете, Антонио — произнесъ Джіованни съ боязливымъ и жаднымъ любопытствомъ, — всѣ эти знаменія свидѣтельствуютъ?..

— Да, да. Не иначе. Бодрствуйте! Время близко. И теперь уже не только древнихъ боговъ выкапываютъ, но и новыхъ творятъ, на подобіе древнихъ. Нынѣшніе ваятели и живописцы служатъ Молоху, то есть, дьяволу. Изъ церкви Господней дѣлаютъ храмъ сатаны. На иконахъ, подъ видомъ мучениковъ и святыхъ, нечистыхъ боговъ изображаютъ, коимъ поклоняются : вмѣсто Іоанна Пред-